

ОРУДИЯ, К БОЮ! МАРШ «ВАРЯГА»

Памяти бабушки – З. В. Рудневой

Над бухтой встаёт желтолицее солнце.
Дымится на рейде эскадра Японца.
Но в церкви на юте канон сотворив,
«Варяг» и «Кореец» идут на прорыв!

А где-то в России, в снегах молчаливых,
Тоскуют берёзы на волжских обрывах.
И матери снова не спят до утра.
Им письма несут штормовые ветра.

Орудия, к бою! Орудия, к бою!
Грохочет шрапнель над матросской судьбою.
Но выше неё, в корабельных снастях,
Трепещет, как чайка, Андреевский стяг!

Остались в тумане окрестные сопки.
Протяжно гудят раскалённые топки.
И в небе режут канонады грома,
И низко к волне накренилась корма.

Огнём запылала морские пучины.
В горящих сердцах не осталось кручины.
От мичмана с юнгой до высших чинов
Запомнит Россия отважных сынов!

Живые шагают по Невскому маршем.
Пусть вечная память останется павшим.
На воду ложатся кругами венки,
В шеренги на баках встают моряки.

От Жёлтого моря до берега Крыма
Плывут бескозырки среди чёрного дыма.
И грозным салютом гремят крейсера,
И следом несётся – морское УРА!!!

КРЕЩЕНСКИЙ НОКТЮРН У ИСТОКОВ РУЗЫ

Истоки реки Рузы лежат на Московской
возвышенности...

Истоки реки Иордан лежат у горы Хермон...
ранее принадлежащей Сирии...

Материалы Википедии

Я хочу попросить прощения
Перед Вами, мои стихи
Нерождённые...
Пусть Крещение
Грех омоет волной реки.

Да не будут они обузою.
До земли не оттянут плеч...
Над моею застывшей Рузою
Засвистела снегов картечь!

Пусть стихи остаются в заводи.
Щукой спрячутся в глубину.
А когда потеплеет – в паводье,
Как Ковчег подплывут к окну.

Но пока у моей оконницы
Табунятся Крещенья сны.
Не прорвать им заплот бессонницы
Скоком святочной старины!

Так, глядишь, и замёрзнут сырые,
Как в Заволжских степях орда.
Ведь Россия теплом – не Сирия,
Да и Руза – не Иордан,

Чьи истоки – в библейской местности,
У подножья высоких гор...
У России – свои окрестности,
У России – свой разговор.

Хоть над Сирией – небо синее.
Над Россией – ещё синей.
«Иордани» в морозном инее.
Грай вороний да скрип саней.

И под утро к Крещенской проруби
В час урочный, в урочный срок
Снегири слетят, а не голуби,
Как Предтечи грядущих строк!

ДЕНЬ МАРТА

Весь день расписан. Март в календаре.
Всё как всегда: вчера, сегодня, завтра...
Но что-то изменилось на дворе,
И стынет на плите ненужный завтрак.

Забор. А за забором тёмный лес.
Снега искрятся отраженьем сини.
И кажется, откуда ждать чудес
Здесь – в сонном царстве, посреди России?

Отброшу с плеч накинутый тулуп.
Спущу с цепи лохматого собрата.
И вздохом – пар поднимется из губ,
Тобой согретых в юности когда-то.

И вновь потянет в горницу – к листу,
Оставить строк не зажившие шрамы.
И приложить горячий лоб к кресту,
Глядящей в окоём оконной рамы.

А там – смотри, пошёл не снег, а дождь.
Исчезнет в небыль зимняя простуда.
И может быть, что ты ко мне придёшь
Негаданно, нечаянно, как чудо.

А вот и солнце. Брызнули лучи
На пажити, дороги и корчевья.
И к нам летят усталые грачи,
Вернувшись из далёкого кочевья.

СУМЕРКИ

Под вечер навалится... Впору не жить.
Ухабы беды превращаются в горы.
И мытарь – летучею мышью кружит.
И входит печаль за замки и заборы.

Чадит и не плавится воска свеча.
И шелест химер прозвучал за оградой.
И звёзды не бросят на землю луча
Утешной отрадой, последней отрадой.

Читаешь синодик ушедших друзей,
А сердце стучится всё глуше, всё реже...
Россия – одна! И не будет Рассей
Средь пальм и кипящих волной побережий.

С родного погоста, за пару минут,
Стакан огранив полукружием хлеба,
Коль скоро родные тебя позовут,
Ты должен подняться в холодное небо!

И чтобы полёта мгновенья – легки,
И встречи с грядущим не горькими были,
За всё заплати и не делай долги,
Оставь пятаки бесполезные в пыли.

Под вечер навалится... Впору не жить.
Светило ушло за леса и просёлки.
Но там, за покосами, в облаке ржи,
Кричат перепёлки, зовут перепёлки.

И зов их подхватят с утра петухи...
Со взглядом бессонным, из призрачной дали,
Ты к ним возвратишься пунктиром строки,
Певца непонятной закатной печали.

ПОЛЫНЬ

Полынь, полынь, ты всё-таки взошла,
А я уж не мечтал об этой встрече...
Земли касались ласточек крыла.
И громыхало где-то недалече.

И не хотелось сумрачно смотреть
На сомкнутую рать чертополоха.
Но миг пришёл, и сгинула мокреть,
И началась цветения эпоха!

И стало всё, как в прошлые года.
Сбывалась за приметой примета...
Но в вышине зажглась Полынь-Звезда.
И вспомнилось ещё – былое лето.

Когда пропахли волосы твои
Прибрежной мятой и тоской полынной.
Когда мы шли по краешку стерни,
Как нам казалось – стёжкой былинной.

Среди ещё не тронутых боров.
Среди лугов, томящихся в покое...
О, как тогда стучала в сердце кровь!
Сейчас не время вспоминать такое:

России неба вековую синь,
Распахнутую в честь моей державы...
А я не знал – как ты горька, полынь.
Вообще не знал, как звались в поймах травы!

СЮЖЕТ О ЗИМНИХ МАРГАРИТКАХ

Кривая судьбы... Синусоиды дно.
В Рождественских окнах горящие ёлки...
Я пью свою горькую кровь, как вино.
И к храму бреду в одиночестве волка.

Лишь в горле катается тёплый комок,
Что нежностью был с достопамятной встречи,
Когда я впервые судьбу превозмог
И шёл на свиданье – Буслаем на вече!

И первую стражу стояла зима.
Отринув бессмыслие слова – предзимье.
И ты торопилась на встречу сама –
Позёмки речной осиянная синью.

И руки свои укрывала в моих
Ладонях от хлада морозного пара.
И всё повторяла, как школьница стих:
«Мы вовсе не пара, мы вовсе не пара!»

А я и не помню, что было тогда,
Хоть память приходит больными ночами...
Мелькнули мгновенья, минули года,
Сомкнувшись, как воды, у нас за плечами.

Те зимние дни не вернутся назад,
Растаяв сугробом у самой калитки,
Скрипучей, ведущей тебя в палисад,
Где вместо снегов – расцвели маргаритки.

«Цветы Богородицы» – лета привет,
Которое вовремя к нам не пришло...
Как жаль – не сложился о счастье сюжет,
Но это в России – обычное дело.

ОЛЕНЬИ ПРУДЫ

Спят пруды. Свисает снег мохнато
С прибережных веток бахромой.
Здесь вдвоём бродили мы когда-то.
Сколько лет минуло, боже мой!

В зимней полудрёме и томленьи
Уходило солнце вглубь воды.
Замерзали губы и Оленьи
Скованные холодом пруды.

Утишало грай, воронье вече...
Млечный Путь – неярко и далёк –
Фонарями вспыхнув в этот вечер –
Росстанью на наши судьбы лёг.

Только всё равно, когда в смятенье
Пустоту почувешь за спиной,
Вспомни: наши два пруда Оленьи
Осиянны тайной неземной.

Где перед тобою на колени,
Не приемля прозы суеты,
Стал поэт, обняв пруды Оленьи –
Светлые московские пруды.

ДВАДЦАТЫЙ...

Снег скрипит! Скрипит январский снег.
Пёрышко скребётся по бумаге.
Словно вновь пришёл двадцатый век,
Очередь заняв в универмаге.

Фантики, хлопушки, пастила,
Синий шевиот официоза...
Ёлка настоящею была –
Со смолой, застывшей от мороза.

Дворник гордо нёс свою метлу,
Деревенский дворник – дядя Федя.
Тёплый хлеб давали ко столу,
И компоты – школьникам в буфете.

И трещали доски у бортов:
Шло с Канадой вечное сраженье.
И в хоккейной шапочке – Бобров
Поражал игрой воображенье...

Милый, неуклюжий и больной,
С коммунальной толчейей в квартире,
Где ты, мой двадцатый – золотой,
С орденом «Победы» на мундире!?

Где ты, чёрно-белое кино?
«Огоньков» эфирная программа.
Голуби, соседи, домино
И такая ласковая мама,

Что теперь глядит издалека,
В деревянной рамочке-квадрате...
Век двадцатый – это на века!
На другие – времени не хватит!

САГА О ПЯТИДЕСЯТЫХ

Вечер. Приблизились сказки.
Месяца выглянул лик.
Библиотека. Салазки.
Книги везём на двоих.

И озаряется память
Светом ребячьей любви...
Сумерки. Лёгкая заметь.
Голуби и воробьи.

Бабушка, длится разлука,
Но предъявляет права
Всеми забытая штука –
Пятидесятых Москва...

Боже, когда это было?
Взглядов чужих сторонясь,
Бабушка в церковь ходила.
Вилась иконная вязь.

Щёлкает стрелка. Трамваю
Нету в бывшее пути...
Бабушка, я забываю
Добрые руки твои.

Стихли Сокольников марши.
Не замерзает каток...
Я уже сделался старше
Бабушки, лет на пятюк.

Право, не ведаю близкий
К Сретенью путь? Но с тобой
То поминальной запиской,
То стихотворной строкой

Будем под сенью метели
Длеть без конца диалог...
Лягут в снега иммортели
На перекрестье дорог.

ПАМЯТИ ОТЦА

И какая-то в этом была пустота...
И какая-то НЕзавершённость пути.
Мой отец, ты из дома ушёл без креста,
В никуда, так бы мне не хотелось уйти.

Но каким бы негладным не был финал,
Как бы жизнь не была напоследок строга –
Ты свой век одолел, ты его доломал,
Ты добил его, как фронтового врага.

И посмею ли слово промолвить в укор,
Если в зеркале вижу твой взгляд и твой лик.
Я летами тебя не догнал до сих пор
И – во снах – молодым тебя видеть привык.

И покуда годам иссякающим течь,
И пока не застыну на бездны краю,
Мне бы только суметь малой каплей сберечь –
Эту гордую статью и улыбку твою.

Снова душный июнь, снова сизая мгла.
Снова сердце мытарит прокимена стих.
Раньше мама тебя на земле берегла...
Пусть теперь небеса берегут Вас – двоих.

Ты прости и немного ещё подожди
Тех, кто любит тебя на земле до сих пор...
И слезой поутру выпадают дожди,
И печаль тополей замечает наш двор.

* * *

Бродит волчицею серою
Оттепель –
в ночь, за окном...
В чём твоя вера? –
Не верую
В мать, уснувшую сном

Вечным,
среди мая цветения,
После недели страстной.
Ждать ли твоё воскресение?
Будешь ли снова со мной?

Звёзд слюдяное сияние
Тает на снежной меже...
Как обрести покаяние,
Если смятенье в душе?!

Кажется сонной химерою
В небе затерянный рай...
Верую! Верую!! Верую!!!
Мама, не умирай!

За ледяною излучиной,
В сполохах млечной пурги,
Ночью бессонной измученный,
Слышу родные шаги.

Там, где часы беззаботные
Мы проводили любя,
Мамины пальцы бесплотные
Крестят, прощаясь, дитя

Взрослое, с жёсткою проседью,
Горя познавшее край.
Губ шелестящее просинью:
«Мама, не умирай!»